

RU

Социальная маркированность слов с конкретными значениями в татарском языке конца XIX - начала XX в. (тематическая группа «Человек»)

Мирхаев Р. Ф.

Аннотация. Настоящая работа посвящена проблеме репрезентации социокультурных процессов конца XIX - начала XX века во внутренней структуре татарского языка, в частности в ее лексико-семантической составляющей. В качестве объекта исследования были взяты слова с конкретными значениями тематической группы «Человек». Предметом исследования явились нашедшие отражение в семантике лексических единиц социально маркированные коннотации. Цель исследования - раскрытие в рамках отдельно взятой тематической группы особенностей репрезентации в татарском языке происходивших в определенный исторический период общественных явлений и перемен. Научная новизна работы заключается в том, что исследование лексики татарского языка в социолингвистическом аспекте проводится впервые. В результате было выявлено, что отражение социокультурных процессов на языковом уровне происходит посредством расширения семантики конкретных слов и активизации лексем определенных категорий.

EN

Social Markedness of Words with Specific Meanings in the Tatar Language of the Late XIX - Early XX Century (Thematic Group “Human Being”)

Mirkhayev R. F.

Abstract. This work is dedicated to the problem of representing the socio-cultural processes of the late XIX - early XX century in the internal structure of the Tatar language, in particular, in its lexical-semantic component. Words with specific meanings of the thematic group “Human being” were taken as an object of the study. The subject of the paper is socially marked connotations represented in the semantics of the lexical units. The purpose of the research is to reveal, within the framework of a single thematic group, the features of the representation of social phenomena and changes that took place in the Tatar language in a certain historical period. The scientific novelty lies in the fact that the study of the vocabulary of the Tatar language in the sociolinguistic aspect is carried out for the first time. As a result, it has been revealed that the representation of sociocultural processes at the language level occurs through the expansion of the semantics of specific words and the activation of lexemes of certain categories.

Введение

Актуальность настоящей работы обусловлена необходимостью восполнения пробела, образовавшегося в последнее время в татарском языкознании в области исследований, направленных на изучение степени и характера влияния социокультурных факторов на развитие языка. Так как социальному воздействию наиболее подвержена лексико-семантическая составляющая языковой системы, в качестве объекта исследования выступили слова тематической группы «Человек», которые функционировали в татарском языке в конце XIX – начале XX в. Выбор указанного исторического отрезка был обусловлен тем, что он характеризуется как период становления татарского национального языка и буржуазного общества, а происходившие в это время в социальной, экономической и культурной жизни народа перемены оказали существенное влияние и на языковые процессы.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, на основе извлеченного из старотатарских письменных текстов конца XIX – начала XX в. эмпирического материала, а именно из произведений татарских писателей-просветителей указанного периода, определить круг социально

маркированных слов тематической группы «Человек»; во-вторых, проанализировать семантику выделенных лексем на предмет наличия социально обусловленных коннотаций.

В качестве методов исследования были применены методы компонентного и контекстуального анализа.

Теоретической базой исследования послужили труды В. В. Виноградова (1959), В. И. Карасика (2002), Л. П. Крысина (2000), монографии «Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация» (Занадворова, Какорина, Китайгородская, 2003), «Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы)» (Бәширова, Вәлиева, Гайнуллина и др., 2019; Бәширова, Вәлиева, Мирхәев, 2020), посвященные вопросам изучения репрезентации экстралингвистических факторов во внутренней структуре языка и функционирования языковых единиц в рамках различных дискурсов. Также в процессе анализа значений слов и выделения в их структуре социально маркированных коннотаций были привлечены работы И. Б. Башировой (Бәширова, 2010), В. Н. Телии (1986), А. А. Уфимцевой (1986).

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные в ее рамках результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях, целью которых является изучение лексики татарского языка в социолингвистическом аспекте. Кроме этого, они могут быть внедрены в образовательный процесс на филологических факультетах высших учебных заведений.

Основная часть

Лексика татарского языка в контексте социокультурных процессов, имевших место в те или иные исторические периоды, до этого еще не становилась объектом научных изысканий. Анализ предыдущих работ показывает, что в преобладающем большинстве случаев их авторами ставится цель определения степени соотносительности тех или иных лексических единиц с письменными литературными нормами и традициями татарского языка (Ахметгалеева, 1979, с. 104-107; Кузьмина, 2001, с. 26-64; Нуриева, 1999, с. 106-143; Хисамова, 1999, с. 54-56, 58-59, 70-74, 87-90).

Социальная маркированность лексических единиц, обозначающих родового представителя человеческого общества и неопределенных лиц

Затронувшие общественную, экономическую, культурную стороны жизни татарского общества перемены конца XIX – начала XX в. привели к переосмыслению роли и места человека в нем. До этого в национальном духовно-культурном пространстве он был представлен как сотворенное Всевышним существо, который наделил его всем необходимым для жизни в этом мире, и как лицо, всецело зависящее от воли своего создателя. В рассматриваемый период человек все больше начинает интерпретироваться в качестве общественного индивида, способного создавать духовные, культурные, материальные ценности и вследствие этого обладающего правом пользования всеми благами и достижениями цивилизации. Все это, в свою очередь, нашло свое отражение в семантике лексических единиц, выступающих в качестве средств вербализации родового понятия, а именно слов *кеше*, *адәм*, *инсан*, *зат* ‘человек’.

В текстах социальная маркированность лексемы *кеше* ‘человек’ раскрывается в основном, когда она выступает в составе таких конструкций, как *йахшы вә байырак кешеләр* ‘люди хорошие и побогаче’, *бай кеше* ‘богатый человек’, *малдар кеше* ‘состоятельный человек’, *йахшы дәүләтле кеше* ‘человек с хорошим состоянием’. Посредством первого компонента репрезентируются атрибуты человека, приобретаемые им в рамках общественных и экономических отношений: *...ханәнен, аш вә йәмәкнең тамизлеге йахшы вә байырак кешеләрне җәлеб идәр иде* (Акъегет, 1886, с. 9). / ‘...чистота гостиницы, кухни и еды привлекала людей хороших и побогаче’; *Мәгъшукым Муса әфәнде Казанлы бер бай кешенең кызыны йөз мең сум көмеш акча илә халәл җефетлеккә алдыгындан...* (Бигиев, 1887, с. 69). / ‘Так как мой возлюбленный Муса эфенди вместе с деньгами в сто тысяч рублей серебром берет в жены дочь одного богатого человека из Казани...’; *Ниндәләйен, малдар кешеме?* (Бигиев, 1890, с. 10). / ‘Что за человек, состоятельный?’; *Хайр, баланың атасы йахшы дәүләтле кеше...* (Бигиев, 1890, с. 21). / ‘Нет, отец ребенка – человек с хорошим состоянием...’ (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – Р. М.).

Обусловленные социальными и культурными факторами семантические сдвиги наблюдаются и у лексемы *адәм* ‘человек’, которая новыми смысловыми оттенками обогащается в составе словосочетаний *бүйүк вә бай адәмләр* ‘важные и богатые люди’, *бай адәм* ‘богатый человек’, *тажир адәмләр* ‘торговый люд’: *Габбас ага вә Шәмси абыстай бүйүк вә бай адәмләр арасына кереб әкәрабалык вә руглык кәсеб идәжәкләрәндән мәсрур иделәр* (Акъегет, 1886, с. 36). / ‘Аббас ага и Шамси абыстай были рады тому, что они породнятся с важными и богатыми людьми’; *...тәрәзәсендә хуш исле гөлләр вә башкача ив әсбабының йахшылыгы Әхмәди Хәмидевнең бай адәм идегенә дәләләт кылалар иде* (Бигиев, 1887, с. 24). / ‘...благоухающие цветы на окнах и добротность другой домашней мебели доказывали, что Ахмади Хамидев был богатым человеком’; *Мөселманлар фәкәт тажир адәмләр улмайынча, мабәйенләрендә нечкә вә зәгыйфь соры вә нурлы йөзле йәш-йәш адәмләр дә мәүжүд иде* (Бигиев, 1887, с. 36). / ‘Среди мусульман, кроме торгового люда, были также молодые люди с чахлыми серыми и светлыми лицами’.

Кроме этого, социальная маркированность данного слова проявляется и в процессе его использования в рамках конструкций *иқтиһадлы вә хезмәт сәвән адәм* ‘усердный и трудолюбивый человек’, *кәнде милләтене, йәгъни татарлары чук сәвән адәм* ‘человек, который очень любил свою нацию, то есть татар’, *университетда хәтме көтеб кылмыш адәм* ‘человек, получивший образование в университете’, *мәгълүматлы*

ва эхвале дөһиядан хәбәрдар адәмлар ‘образованные и осведомленные о состоянии дел в мире люди’ в качестве средства достижения публицистической экспрессивности. В данном случае посредством лексемы *адәм* ‘человек’ репрезентируется индивид, придерживающийся активной жизненной позиции в наиболее общественно значимых вопросах: *Бу ханә үзе күчүк булса да, тахтадан башы, анбары ва мөхкәм сарайлары сахибенең ижтиһадлы ва хезмәт сәвән адәм идегене күстәрерләр иде* (Акъегет, 1886, с. 2). / ‘Хотя дом и был небольшим, но его деревянная крыша, амбар и добротные сараи указывали на то, что его хозяин был человеком усердным и трудолюбивым’; *Хисаметдин менла кәнде милләтене, йәгъни татарлары чук сәвән адәм иде* (Акъегет, 1886, с. 5). / ‘Хисаметдин менла был человеком, который очень любил свою нацию, то есть татар’; *Петербургда университетда хәтме көтеб кылмыш адәм улса да...* (Бигиев, 1887, с. 8). / ‘Хотя он и был человеком, получившим образование в Петербургском университете...’; *Мәгълүматлы ва эхвале дөһиядан хәбәрдар адәмларемез улыныр исә, жәмгыятемез тәрәккый идәчәкдер* (Фәхретдинев, 1899, с. 10). / ‘Если у нас будут образованные и осведомленные о состоянии дел в мире люди, наше общество пойдет вперед’.

Указанные выше тенденции были зафиксированы и в употреблении лексем *инсан* ‘человек’ (а) и *зат* ‘человек, личность, лицо, особа’ (б), которые социально маркированные оттенки приобретают в составе словосочетаний *галим инсан* ‘ученый человек’, *гыйлем ва укымак сәвгән инсан* ‘любящий знание и учебу человек’, *милләтпәрвәр инсан* ‘человек, который является искренним патриотом своей нации’, *мәгълүмате мәгыйшийә тәхсил идән зат* ‘освоивший жизненные знания человек’, *ислам гыйлеме илә замана эхвалене фәлсәфәсе илә белгән затлар* ‘люди, которые знают науку ислама и состояние дел современности вместе с философией’:

а) *...чүнкә галим инсан гайбәтләрден качадыр* (Акъегет, 1886, с. 13). / ‘...потому что ученый человек избегает сплетней’; *...йәшлекдән гыйлем ва укымак сәвгән инсаның әһлак ва әфкәренең йаман улмакы шөбһәледер* (Акъегет, 1886, с. 28). / ‘...то, что мораль и мысли человека, который с молодости любит знание и учебу, являются дурными, подозрительно’; *...ихласлы милләтпәрвәр инсан анчак укытмак илә канәгатьләнмәсен кирәк* (Акъегет, 1886, с. 61). / ‘...человек, который является искренним патриотом своей нации, не должен довольствоваться только обучением’;

б) *...исламдан мәгълүмате мәгыйшийә тәхсил идән зат күрермен* (Акъегет, 1886, с. 43). / ‘...вижу человека, который в исламе освоил жизненные знания’; *Йулбащчыларымыз исә ислам гыйлеме илә замана эхвалене фәлсәфәсе илә белгән затлар улырга тийешледер* (Фәхретдинев, 1899, с. 10). / ‘Нашими предводителями должны быть люди, которые знают науку ислама и состояние дел современности вместе с философией’.

Далее в текстах рассматриваемый ряд слов расширяется за счет местоимения *кемсә* ‘кто-то, некто; кто-либо; человек; особа, лицо’ (а) и его синонима *кемсәнә* (б), обозначающих неопределенного представителя человеческого общества. В рамках конструкций *тижарәт ва хезмәт идән кемсә* (Бигиев, 1890, с. 4) ‘некто, который торгует и работает’, *ислам фәлсәфәсе ва серларене аңлаб беләчәк кемсә* (Фәхретдинев, 1899, с. 26) ‘некто, который сознательно усвоит философию и тайны ислама’, *эш тотар кемсәнә* (Акъегет, 1886, с. 12) ‘некто, который имеет дело’, *мәгълүматлы ва үткен фикерле кемсәнәләр* (Фәхретдинев, 1899, с. 2) ‘люди образованные и с острым умом’ они используются для обозначения деятельных и образованных индивидов общества.

Кроме этого, в текстах местоимение *кемсәнә* в сочетании с лексическими единицами *тажир* ‘купец’, *фәкыйр* ‘бедный’, *йахшы* ‘хороший’, *бай* ‘богатый’, *малдар* ‘состоятельный’ выступает также как средство репрезентации представителей различных социальных слоев общества: *Мәсҗедә килән жәмәгать арасында нәдән исә дә, гайәт фәкыйрь кемсәнәләр дә күбдер* (Бигиев, 1890, с. 3). / ‘Среди пришедшего в мечеть народа почему-то были и очень бедные люди’; *Мабәйенләрендә йахшы, бай, малдар кемсәнәләр күб...* (Бигиев, 1890, с. 10). / ‘Среди них много хороших, богатых, состоятельных людей’.

Социальная маркированность гендерно окрашенных лексических единиц

В рамках просветительского дискурса коннотациями социального характера осложняются и лексемы, посредством которых обозначаются представители различных полов. Так, например, слова *йегет* ‘юноша, молодец, молодой человек, парень’ и *ир* ‘мужчина’ обретают их в составе словосочетаний *магарифпәрвәр йегетләр* ‘радеющие за просвещение молодые люди’ и *тәрбийәле ир* ‘благовоспитанный мужчина’: *Магарифпәрвәр йегетләр китаб өләшмәкне Хисаметдин менлайә тәслим итделәр* (Акъегет, 1886, с. 63). / ‘Радеющие за просвещение молодые люди поручили раздачу книг Хисаметдину мулле’; *...эстәсаләр, һич тәрбийә кабул итмәгән ирләре тәрбийәле бер ир итмәйә муафыйк улырлар* (Фәхретдинев, 1903, с. 11). / ‘...если захотят, то смогут сделать так, чтобы не воспринимавшие воспитание мужчины стали благовоспитанными’.

Здесь следует отметить тот факт, что в рассмотренных нами текстах данные слова выступают редко, и это объясняется их замещением лексемами *кеше*, *адәм*, *инсан*, *зат*, *кемсә*, *кемсәнә*, посредством которых в условиях патриархального общества в течение многих веков, помимо номинации родового понятия ‘человек’ или неопределенного представителя человеческого общества, обозначались лица мужского пола.

В конце XIX – начале XX в. в татарское общество начинают проникать идеи феминизма – движения, ставящего перед собой достижение равноправия женщин с мужчинами во всех сферах жизнедеятельности, что привело к активизации в национальной коммуникативной среде лексических единиц, обозначающих представительниц прекрасной половины человечества, а также к расширению их семантики сопутствующими смысловыми оттенками. Так, например, как показывает анализ текстовых словоупотреблений лексемы *хатын* // *кадын* ‘женщина; жена, супруга’, в этот период женщина начинает рассматриваться как полноправный член социума, а не только как прислуга своего мужа: *...шәригате исламийә кадынлар хокукыны һич нәкыс итмәз* (Акъегет, 1886, с. 22). /

‘...исламский шариат ничуть не ограничивает права женщин’; *Һәр вакытта хатынларны ригайд идәргә вә анларга йәрдәм вә мәрхәмәт кылырга тийешле...* (Фәхретдинев, 1899, с. 16). / ‘Всегда должно заботиться о женщинах, а также помогать им и проявлять милосердие’.

В свете вышесказанного социально маркированным является употребление данной лексемы в рамках таких конструкций, как *гыйлем вә тәрбийәдән мәрхүм калган хатын* (Фәхретдинев, 1899, с. 68) ‘лишенная образования и воспитания женщина’, *гакыллы, тәквә, диндар, жәсур, мәрхәмәтле бер хатын* (Фәхретдинев, 1903, с. 5) ‘умная, благочестивая, набожная, храбрая, отважная, милосердная женщина’.

В рассматриваемый период под влиянием феминистских настроений в национальную коммуникативную среду проникает лексема *ханым* ‘дама, госпожа, ханум’, посредством которой выражается почтительное отношение к достигшим определенного возраста представительницам женского пола: *Тәрбийәханәдә улан жәмлә йәтимләр ханымы кәндәләренең аналары мәртәбәсендә сәвәрләр иде* (Фәхретдинев, 1903, с. 91). / ‘Все сироты любили хануму как мать’.

Указанный смысловой оттенок находит свое отражение и в семантике образованных на ее основе конструкций *мөрәббийә ханым* ‘воспитательница ханум’, *мөгаллимә ханым* ‘учительница ханум’: *...мөрәббийә ханым мәсафирханәгә йаныма килде* (Фәхретдинев, 1899, с. 78). / ‘...воспитательница (ханум) пришла ко мне в гостиницу’; *Мөгаллимә ханым йәш вакытында ата илә анадан мәрхүм калмыш улан бер йәтим кыз иде* (Фәхретдинев, 1903, с. 91). / ‘Учительница (ханум) была сиротой, лишившейся отца и матери еще в молодости’.

Далее в текстах рассматриваемый ряд социально маркированных лексических единиц с конкретными значениями расширяется за счет обозначающего незамужних молодых девушек слова *туташи* ‘барышня, девушка, мадемузель’: *Бу инсан гүйә туташны күрдегендән тизрәк атламага башлады* (Акьегет, 1886, с. 38). / ‘Этот человек, как будто увидев девушку, начал шагать быстрее’; *Ләкин туташ искечә мэхзүн хәлдә калды* (Акьегет, 1886, с. 56). / ‘Но девушка, как и прежде, осталась опечаленной’.

Принято считать, что лексемы *ханым* и *туташи* функционировали и как обращения. Хотя в рассмотренных нами текстах они в этом в качестве и не были зафиксированы, об этом свидетельствуют примеры их употребления с именами женских персонажей: *...Хәдичә туташны Муса әфәнде кәләшлеккә алдыгы сәбәбәндән Габденнәсыр әфәндейә Хәдичә туташны вирмәмешләр* (Бигиев, 1887, с. 14). / ‘...по причине того, что Муса әфәнди брал Хәдичу туташ в жены, ее не выдали замуж за Габденнәсыру әфәнди’; *Господин Шубинның бу жавабы Гайшә ханыма шу кадәр мөтәәссир улдыкы...* (Бигиев, 1890, с. 67). / ‘Ответ господина Шубина настолько подействовал на Гайшу ханум...’.

Как показывает анализ эмпирического материала, в конце XIX – начале XX в. в национальной коммуникативной среде под влиянием указанных выше тенденций активизируются и другие лексические единицы, в семантике которых находят свое отражение различные стороны жизни татарской женщины, которые до этого были закрыты для широкой общественности в силу доминирования в духовно-культурном пространстве консервативных ценностей и установок религиозной направленности. Так, например, слово *сахибә* ‘хозяйка’ указывает на занимаемый женщиной в обществе социальный статус: *...хезмәтче кадын сахибәсенә уйгатмайа китде* (Акьегет, 1886, с. 57). / ‘...женщина-служанка пошла будить свою хозяйку’.

Лексема *мөслимә* ‘мусульманка’ вербализует женщину как представителя общества, придерживающегося определенной конфессии: *...Маһруй мөслимә улыб, почетный гражданин хатыны – Маһруй Агийева улдыгыны бәйән бойырды* (Бигиев, 1890, с. 24). / ‘...Махруй сообщила о том, что была мусульманкой, женой почетного гражданина Махруем Агиевой’.

А посредством слова *мәгъшука* ‘возлюбленная’ женщина раскрывается как подверженный определенным чувствам человек: *Хәзердә артындан йитешмеш инсан мәгъшукасы Хәнифә туташ иде* (Акьегет, 1886, с. 67). / ‘Человек, который сейчас догнал его, была его возлюбленная, мадемузель Ханифе’.

Таким образом, имевшие место в рассмотренный период социокультурные процессы нашли свое отражение и в семантике конкретных слов тематической группы «Человек».

Заключение

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам. Репрезентация на языковом уровне социальных, экономических и культурных перемен, происходивших в татарском обществе во второй половине XIX – начале XX в., осуществлялась путем расширения значений конкретных слов рассмотренной тематической группы и активизации лексем определенных категорий. Первая тенденция характерна как для лексических единиц, обозначающих родового представителя человеческого общества и неопределенных лиц, так и для гендерно окрашенных слов, а вторая наблюдается в рамках последних. При этом осложнение семантики лексем новыми смыслами особенно ярко проявляется в процессе их употребления в качестве средств достижения публицистической экспрессивности, которая выступает в качестве основной составляющей просветительского дискурса.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в возможности использования предложенной автором методики и полученных им результатов в дальнейших работах, направленных на изучение в социолингвистическом аспекте лексики татарского языка других семиологических классов и тематических групп в рамках как указанного периода, так и других исторических отрезков.

Источники | References

1. Акъегет М. Хисаметдин менла. Милли роман яки хикяэ. Казан: Казан университеты табгыханәсе, 1886.
2. Ахметгалеева Я. С. Исследование тюркоязычного памятника «Кисекбаш китабы». М.: Наука, 1979.
3. Бәширова И. Б. Татар әдәби теле. Семасиология. Казан: ТӘҺСИ, 2010.
4. Бәширова И. Б., Вәлиева М. З., Гайнуллина Г. Ф., Кузьмина Х. Х. Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр - XX йөз башы): өч томда / фәнни ред. Ф. С. Баязитова. Казан: ТӘҺСИ, 2019. III т. Лексика. Лексик-семантик категорияләренчә инвариант-парадигма үзенчәлеге һәм контекстуаль-синтагматик мөмкинлекләре: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. Беренче кисәк.
5. Бәширова И. Б., Вәлиева М. З., Мирхәев Р. Ф. Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр - XX йөз башы): өч томда / фәнни ред. Ф. С. Баязитова. Казан: ТӘҺСИ, 2020. III т. Лексика. Лексик-семантик категорияләренчә инвариант-парадигма үзенчәлеге һәм контекстуаль-синтагматик мөмкинлекләре: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. Икенче кисәк.
6. Бигиев З. Гәнаһе кәбаир. Роман. Казан: Типогр. Г. М. Вечеслава, 1890.
7. Бигиев З. Өлүф, яки гүзәл кыз Хәдичә. Роман. Казан: Типогр. Г. М. Вечеслава, 1887.
8. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959.
9. Занадворова А. В., Какорина Е. В., Китайгородская М. В. Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2003.
10. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
11. Крысин Л. П. Социальная маркированность языковых единиц // Вопросы языкознания. 2000. № 4.
12. Кузьмина Х. Х. Лексика поэмы «Кысса-и Йусуф» Кул Гали. Казань: ДАС, 2001.
13. Нуриева Ф. Ш. «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари. Казань: Фән, 1999.
14. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.
15. Уфимцева А. А. Лексическое значение (принцип семиологического описания лексики). М.: Наука, 1986.
16. Фәхретдинев Р. Әсма яки гамәл вә жәза. Оренбург: Типогр. М.-Ф. Г. Каримова, 1903.
17. Фәхретдинев Р. Сәлимә яки гыйффәт. Гафил бән Габулла әсәре уларақ бер хикәятдер. Казан: Типогр. Б. Л. Домбровского, 1899.
18. Хисамова Ф. М. Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI - начало XIX в.). Казань: Мастер Лайн, 1999.

Информация об авторах | Author information

Мирхаев Рифат Фирдинатович¹, к. филол. н., доц.
¹ Академия наук Республики Татарстан, г. Казань

Mirkhayev Rifat Firdinatovich¹, PhD
¹ Tatarstan Academy of Sciences, Kazan

¹ mirhaev77@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.04.2022; опубликовано (published): 30.06.2022.

Ключевые слова (keywords): татарский язык; слова с конкретными значениями; социально-маркированные лексические единицы; семантика; социальные коннотации; Tatar language; words with specific meanings; socially marked lexical units; semantics; social connotations.